

Заметки
о словоформе
e 'есть'
в древнерусской
и старославянской
письменности*

Notes on the Word
Form *Je* 'Is'
in Old Russian
and Old Church
Slavonic Literature

**Олег Феофанович
Жолобов**

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Россия

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga region)
Federal University, Kazan, Russia

Резюме

Исследование так называемых нулевых форм презенса 3 л. ед. и мн. ч. (без флективного *-тъ*) в берестяных грамотах вновь привлекло внимание исследователей к этому грамматическому явлению. А. А. Зализняк установил позиции употребления нулевых форм, их диапазон и функции. Рассмотрение старославянских и книжных источников юго-запада Руси обнаружило сходство с новгородской берестяной письменностью, так что нулевые формы следует признать праславянско-индоевропейским диалектизмом, унаследованным разными древнеславянскими диалектами и восходящим к инъюнктиву и его позднему субституту — конъюнктиву. Вместе с тем сопоставление данных показало узость дискурсивного диапазона берестяной письменности. А. А. Зализняк обнаружил несколько словоформ *e* 'есть' в

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект 15-04-00283).

предположительно энклитической функции. Однако он отметил, что для окончательных выводов недостает материала. В статье приводятся свидетельства употребления словоформы *e* в функции энклитики вакернагелевского типа в различных источниках, прежде всего в Синайском патерике кон. XI в., где данная энклитика, как выяснилось, была тесно связана с вопросительным типом предложений, далеко не всегда выступая в функции связки и обозначая нефактивное действие предположения. Словоформа *e* широко распространена и в неэнклитической позиции, где имеет значение неактуального, прежде всего гномического презенса.

Ключевые слова

нулевой презенс, инъюнктив, глагольная энклитика, словоформа *e*, нефактивное значение, неактуальный презенс, гномический презенс, генерализация

Abstract

A study of the so-called zero-forms of the present tense 3rd person singular and plural (without inflectional *-tb*) in the birch bark manuscripts has once again attracted the attention of researchers to this grammatical phenomenon. Andrey Zaliznyak established the zero-forms usage positions and their range and functions, and he arrived at the conclusion that they are Novgorod dialectisms. Analysis of the Old Slavonic and written sources of the Russian Southwest found similarities with the Novgorod birch bark manuscripts, so the zero-forms should be considered Proto-Slavic dialectisms, inherited by different Old Russian dialects and tracing back to the injunctive and the conjunctive, its later substitute. At the same time, data correlation showed the narrowness of the birch bark manuscripts' discursive range. A. Zaliznyak discovered several *je* 'is' word forms in a supposedly enclitic function. He noted, however, that there was a lack of material for drawing final conclusions. The present paper provides evidence of the *je* word form usage in the function of Wackernagel enclitics in different sources, especially in the 11th century *Sinayskii Paterik* (Pratum spiritual), where, as it turns out, this type of enclitic was closely related with an interrogative sentence type, not always functioning as a link-verb and meaning a non-factive action of supposition. The *je* word form is also used widely in a non-enclitic position, where it has a non-actual, primarily gnomic, present tense meaning.

Keywords

zero-forms present tense, injunctive, verbal enclitics, *je* word form, non-factive meaning, non-actual present tense, gnomic present tense, generalization

Перед диахронической морфологией стоит задача не только верификации существующих гипотез грамматической вариативности в системе глагола, но и, что не менее важно, накопления нового языкового материала.

Рассмотрение корпуса берестяных грамот, проведенное А. А. Зализняком, привело его к следующим выводам: 1) в берестяных грамо-

тах наблюдается вариативность так называемых ненулевых (на *-ть*) и нулевых (без *-ть*) словоформ презенса-футурума в 3 л. ед. и мн. ч.;¹ 2) нулевые словоформы 3 л. презенса-футурума употребляются во всех глагольных классах — как в единственном, так и во множественном числе; 3) в ранних грамотах в придаточных предложениях, выражающих значение условия и цели, наиболее частотные нулевые словоформы в 3 л. ед. ч. преобладают, а в главных или простых предложениях нулевые и ненулевые словоформы представлены примерно поровну;² 4) совокупность перечисленных характеристик является праславянско-индоевропейским архаизмом, сохранение которого отличает новгородско-псковский диалект от всех остальных славянских диалектов; 5) большая часть словоформ без флективного *-ть* относится к 3 л. ед. ч. 1 спр., а распространение аналогичных словоформ во 2 спр. сдерживается нежелательной омонимией с формами аориста и императива; 6) нулевые словоформы не употребляются перед местоименными энклитиками и частицей *ми*;³ 7) в поздних грамотах количество нулевых словоформ сокращается [Зализняк 2004: 137–138, 152–153].

Обращение к древнеславянским кодексам, которые в большинстве своем остаются неизученными, не позволяет согласиться с выводами об ограниченности нулевых презенсов 1 и 2 спр. 3 л. ед. и мн. ч., наделенных особой семантикой, псковско-новгородским регионом [Жолобов 2012; 2013; 2014]. В юго-западной части Древней Руси подобных образований обнаруживается еще больше, и они также не имеют значения реального действия, связанного с внешней темпоральностью. Они обслуживают различные внутрисобытийные значения — обозначения действий нефактивного, предполагаемого, неактуального

¹ Термины “нулевые” и “ненулевые словоформы презенса 3 л.” имеют условный характер и характеризуют раннепраславянские словоформы. В позднепраславянский период под действием фонетических законов в состав флексий вошли также тематические гласные: *нес-еть / нес-е, поид-оуть / поид-оу, ход-ить / ход-и, ход-ать / ход-а*.

² Примеры нулевых словоформ в придаточных предложениях цели в действительности связаны с императивно-оптативной семантикой: **а присоли сомо юо мене со ее знатѣбою отѣ побоудѣ сыноу менѣ** ‘пришли сына ко мне с ее знатъбой, пусть он побудет у меня за сына’ [ГрБ № 705 (пер. пол. XIII в.)]; **моловн ратемнрѣ · оти са соцѣтѣ со мною** ‘скажи Ратмиру, пусть сочтется со мной’ [ГрБ № 346 (кон. XIII)].

³ Это одна из причин того, что в белорусском языке и северо-западных русских говорах нулевые словоформы не проникают в рефлексивы типа *нясецца, жа́л’аца*. Подобная черта рефлексивов вовсе не свидетельствует о нулевых словоформах как о новообразованиях, а не архаизмах, вопреки П. Т. Ломтеву [1954: 141], которому ничего не было известно об устойчивой вариативности стандартных и нулевых словоформ. Сравнительно поздними являются сами словоформы рефлексивов в целом, а их выделение предполагало и морфонологическую обособленность, поэтому рефлексивы отражают естественную генерализацию модели *борѣться, борѣся > борѣца* (см. также [ВјѠRNFLATEH 2003: 54–55]). В древнерусских источниках обнаруживаются нулевые словоформы рефлексивов *лечѣся, ключися* и под. (см. [Жолобов 2014: 154–155, 157 и др.]). В диалектах действуют разнообразные модели обобщения нулевых и ненулевых словоформ.

характера и др., которые возникали в цепи тесно связанных предикатов. В целом нулевые словоформы характеризуют всю древнерусскую территорию, хотя и в восточной части используются с гораздо меньшей интенсивностью. Нулевые формы восходят к словоформам с вторичными окончаниями **-t* и **-nt*, т. е. к инъюнктиву — образованиям с вторичными окончаниями, которые при употреблении без аугмента-префикса теряли значение реального прошедшего времени и могли передавать разнообразные нефактивные и потенциальные значения с условной темпоральностью [Елизаренкова 1982: 281–283]. Инъюнктив связан с внутренней семантикой обозначаемых событий, как, в частности, в архаических формулах, впоследствии получивших юридическое назначение: ‘если произойдет А (протасис), то да последует Б (аподосис)’. Так, в двинской грамоте № 86 нулевая форма связана с обозначением потенциального события в юридическом типе нарратива [Шахматов 1903, 2: 107]: **а хто снн радъ порушн. дасть посадинкамъ двинскимъ .ѣ. тысауъ бѣлкѣ.** В позднейшеевропейский период инъюнктив может смешиваться с конъюнктивом, который становится его историческим субститутом. Инъюнктив и конъюнктив — последовательные исторические формы выражения категории потенциалиса [Ернарт 1989: 79 и сл.]. Инвариантное значение конъюктива “как наклонения реализуется в выражении различных оттенков модальности: возможности, вероятности, желательности, долженствования, проблематичности действия с явной или [. . .] имплицитной зависимостью” от какого-то другого обстоятельства [Елизаренкова 1982: 280]. Это основное наклонение, которое употребляется в придаточных предложениях. Нередко конъюнктив употребляется в вопросительных предложениях и в предложениях с отрицанием. Для славянских нулевых словоформ именно такое употребление типично (см. ниже).

Как отмечает А. А. Зализняк [2004: 139], картина с распределением вариативных форм *есть* и *е* прямо противоположна употреблению тематических глаголов, поскольку стандартные формы в атематическом спряжении встречаются “значительно чаще”, чем в тематическом.

Атематические глаголы имеют ряд особенностей и в старославянском языке. В Саввиной книге 12 раз отмечаются формы **нѣсть, дасть, бѣсть, мьннть** (тематический глагол 4 класса), а кроме того — **сѣть**, что позволяет предполагать более устойчивое сохранение исконных форм атематических глаголов, наряду с господствующими формами на **-тъ** [Leskien 1955: 118; Ван-Вейк 1957: 301]. Параллельно формы на **-тъ** отмечаются также в аористе **бѣсть, дасть**. В других старославянских памятниках формы на **-тъ** единичны.

Вместе с тем в южнославянских памятниках и их восточнославянских юго-западных копиях нулевые словоформы *e* встречаются, а в некоторых источниках являются довольно частыми. Так, В. Вондрак указывает на пример с *ε* в Синайской псалтыри, в Зографском, Маринском и Ассеманиевом евангелиях, на три примера с *ε* в Клоцовом сборнике, три в Саввиной книге [VONDRÁK 1912: 490]. П. Дильс отмечает лишь редкий характер употребления формы *κ* в старославянском [DIELS 1934: 279]. А. Вайан [1952: 249] обнаруживает по 15 примеров на *κ* и *нѣ* в Супрасльской рукописи, не приведя, впрочем, ни одного примера.⁴ См. *Супр*, где *κ* чаще всего выступает в роли связки:

ѦКОЖЕ *κ* ПОДОБА [190 об.₂₆]; КО*κ*ВОДА ГЛАГОЛА ПОВЕ*κ*НО
κ СТЪИ^ГИМН *н* УСТЪИ^ГИМН ЗАКОНЪИ РАЗНУ^ГИ^ГИМН
МЖКАМН МЖУНТН ТА [75 об.₂₂₋₂₅]; М^ГНА *κ*КО ОУМРЪЛЪ
κ [57 об.₆₋₇]; РАЗВЪ С^ГР^ГЕБРЪНААГО БЛЮДА · *н*ЖЕ *κ* ПОСЪЛАЛА
ГОСПОЖДА ВЕЛКАГА СЪ КОУЦН^ГИЖ [61 об.₂₉₋₃₀]; *н* ОУВЪДЪХЪ УТО
κ УВЪСТВО [133₁₃₋₁₄]; ТОМОУ *н*ЗИНА НЕ МОШТНО *κ* БЫТИ
[148₂₁₋₂₂]; ДА Н^ГЕСТЪ ТО ДО ТЕБЕ УТО ТОГО *κ* ОУДОБЪК [189₁₀₋₁₁];
ВЪ *н*СТННЖ АН СТРАДАВЪШН^ГН ВЪСКР^ГС^ГШН^ГН ТЪ ЖЕ *κ* ПРНШЪЛЪ
[251 об.₂₆₋₂₇] и др.

Уже только в половине *Изб 1073* (с л. 130 до л. 263) обнаружилось 180 словоформ 3 л. ед. ч. *κ*. Общее число нулевых словоформ здесь трудно-обозримо, и это свидетельствует о живом процессе генерализации нулевых форм [Жолобов 2012: 205].

В *СинП*, переписанном в юго-западной Руси, свыше 50 нулевых форм, большую часть которых составляют словоформы *κ* [Шевелёва 2001]. Поскольку словоформы *κ*, как установила М. Н. Шевелёва, встречаются не у всех писцов в рукописи, а только у двоих (в том числе у основного), можно предположить, что какая-то часть нулевых словоформ принадлежит самим переписчикам.

“Следует заметить, — пишет А. А. Зализняк, — что в берестяных грамотах во фразах с *e* ‘есть’ (не считая двусмысленного *ели / е ли*)⁵ это *e* стоит в конце первой ритмической группы фразы (*оце е тебе н[е] годена 705, аже ти е по съпехо 709, [л]ега ми е 815, [а] т[о е] монь 936 [?]*), т. е. ведет себя как энклитика (вакернагелевского типа). Но для решительных выводов здесь все же необходимо накопление дополнительного мате-

⁴ Большинство памятников цитируются по интернет-изданиям на портале [Манускрипт 2004–2016] — крупнейшем историческом славяно-русском корпусе. Листы и строки указываются по интернет-изданиям в соответствии с рукописными оригиналами.

⁵ Ср. “недвусмысленное” *e ли*, включающее нулевую форму *e* в *СинП*: *κ* АН ЛЪЗЪ КРЪЩЕНОУ БЫТИ НЪКОМОУ НЕВЪРЖИЩЮ [148 об.₉₋₁₀].

риала” [Зализняк 2004: 139]. В книге А. А. Зализняка [2008: 37 и др.], посвященной энклитикам, эта тема об энклитическом употреблении нулевых словоформ *e* далее никак не развивается.⁶ Между тем примеры энклитического употребления словоформы *e* в изобилии представлены в книжных источниках, прежде всего западно-южнорусских, хотя не всегда энклитика *e* находится именно в первой ритмической группе фразы. Как правило, энклитика находится в вопросительных предложениях, что, с одной стороны, подтверждает связь нулевых форм с нефактивной семантикой предположения, а с другой стороны, однотипность употребления подразумевает влияние речевого автоматизма. Энклитическое употребление реализуется “в клаузах” (в терминологии Зализняка) независимо от их места в синтаксически целостных предложениях различной структурной организации. См. *СинП*:

У́ТО ꙗ́кѣ блѣко ꙗ́же нмашн по у́то не вѣнндѣшн [34₁₈₋₁₉]; рече ꙗ́кѣ мнѣ у́то тн ꙗ́кѣ у́то пѣуалоуѣшн [91 об.₁₁₋₁₂]; то сѣмоу лн ꙗ́кѣ проскжмнсатн [105₁₋₂]; у́то ꙗ́кѣ дѣнство твоѣ [105₈]; у́то мн ꙗ́кѣ подобно да сѣтворю [66 об.₂]; н гл ꙗ́кѣ годѣ лн тн ꙗ́кѣ [91₁]; доерѣ лн ꙗ́кѣ бѣе · аще ндемъ нѣ ꙗ́кѣ комоу [112 об.₁₇₋₁₈]; н рѣхъ ꙗ́кѣ нѣмоу сѣдравъ лн ꙗ́кѣ лѣвъ [113₁₉₋₂₀]; н науатъ однного вѣпрашатн отъкоу доу ꙗ́кѣ [24₄₋₅]; у́то ꙗ́кѣ старе · помыслнл ꙗ́кѣ ꙗ́кѣ [124 об.₄₋₅]; то ꙗ́кѣ ꙗ́кѣ бѣ ꙗ́кѣ крѣстьянскъ да ꙗ́кѣмоу давѣ ꙗ́кѣ занмъ [130 об.₁₅₋₁₆]; н рече мн у́то тн ꙗ́кѣ гн мон [133 об.₂₀]; ꙗ́кѣ ꙗ́кѣ ꙗ́кѣ н мность сѣтворн [134 об.₁₋₂]; у́то тн ꙗ́кѣ н по у́то ꙗ́кѣ сѣде [136 об.₁]; сѣ лн ꙗ́кѣ жнвотъ [153₁₆]; у́то тн ꙗ́кѣ сѣмеонѣ [167₁₂].

В такой же позиции обнаруживается нулевая форма 3 л. мн. ч.: ꙗ́кѣ ꙗ́кѣ ꙗ́кѣ ꙗ́кѣ сѣ сѣтворнлꙗ вѣуера [*СинП*: 162 об.₇].

Из этих примеров видно, что данный глагол выступает как энклитика не только в функции связки.

Гораздо реже ꙗ́кѣ встречается в других типах предложений в качестве энклитики или не в энклитической позиции, в том числе в составе перфекта:

оуѣкорнзна бо ꙗ́кѣ глꙗше патрнаꙗꙗхоу [*СинП*: 21₁₋₂]; н пакъ ꙗ́кѣгда ꙗ́кѣмоу ꙗ́кѣ годѣ [16₄₋₅]; не давѣ ꙗ́кѣмоу · ꙗ́кѣ много тоуꙗꙗнѣ

⁶ А. А. Зализняк [2008: 38], сравнив древнерусскую систему с сербской, сохранившей обширный класс энклитик, указал, что сербская система в XIII–XIV вв. претерпела существенную ранговую перестройку. Однако связка *je* осталась на последней позиции — 7 ранг, в древнерусском все связки последнего 8 ранга. В сербском все остальные глагольные связки и вспомогательные глаголы переместились вверх во второй ранг.

ѣ [10₁₀₋₁₁]; ꙗко нжѣгль ꙗ конопнона [112 об.₁₀₋₁₁]; поурьпѣте
водѣ ѣнко вѣ ꙗ трѣбѣ [120₁₀₋₁₁]; лѣпо ꙗ крѣщеннѣмъ то
дрѣжати оуѣ [122 об.₁₁]; ꙗкоже ꙗ обѣуан дѣлателемъ
[126 об.₉]; н рече кмоу нъ мѣсль ꙗ вѣзала са ꙗ на та
[165 об.₈₋₉]; ꙗкоже мене бѣ ѡбратнлъ са ꙗ грѣхъ монхъ
радн [169₂₀-169 об.₁].

В подобных примерах хорошо заметна тенденция к постепенной гене-
рализации нулевой словоформы ꙗ вместо стандартной ксть/ксть.

В вопросительных предложениях энклитика ꙗ является обычной
для старославянских текстов:

ѸТО ѣ НАМА Н ТЕБѣ СНОУ БЖН [Сав: 37 об.₁₁]; Тс же глѣ нмъ
ѸТО ѣ ДѢЛО СЕ [47 об.₅]; ѸТО ꙗ СЛОВО · ѸТ° КОВАРСТВО · ѸТО ꙗ
МЫСЛЬ СЫНТНЮ НГО [Сунр: 230₂₀₋₂₁]; ѸТО МН ꙗ ОБЕНКАНО А ѸТО
НЕ ОБЕНКАНО · ѸТО МН ꙗ СТРАСТНОЕ ѸТО ЛН БЕСТРАСТНОЕ ·
ѸТО МН ꙗ СМРТЬНО ѸТ° ОУМРЬШТВЕНО ТЕБЕ ДѢЛА · ѸТО ЛН
ОСТАЛО БЕ СМРТЬН · ѸТО ꙗ · ꙗже ПОДЪПАДА ТВОИМЪ ПРСТВОМ'
[252 об.₄₋₈].

Можно предположить, что энклитическая позиция была первичной
для распространения формы *e*.

Энклитика *e* наблюдается в разных книжных источниках древне-
русского письма:

- в формульном вопросительном типе: мѣ же не вѣдоуштен
коꙗ ꙗ десница · коꙗ лн шоуница [ПА: 177b]; страхъ нзгнавъ ѡ
срѣца своѣго · дерзновѣно глн намъ · ѸТО ТН ꙗ ДѢЛО ПОУТО
ПРОДАНЪ КСН [П: 299a₁₂₋₁₅];⁷

- в придаточных условных в составе перфекта с нефактивным зна-
чением предположения: аще тн ѣ бѣ мон повелѣлъ погубитн
мѣ · да прнмоу съ блгодареннѣмъ бѣ моꙗго повелѣннѣ [ЖНК:
6 об.₉₋₁₂];⁸

- в придаточных обстоятельственных в составном именном ска-
зуемом с гномическим (от *гнома* — образное изречение общего нра-
во- или вероучительного характера) значением: подобна бо ꙗ стрѣ
несытаго сна бдѣнью [П: 266₆₋₇];

- в полипредикативных цепях со значением неактуального на-
стоящего — гномах: ꙗвѣ же ꙗ ꙗко съмѣреннѣмъ дактѣ бѣ

⁷ П — волинская рукопись. Ср. в источниках иной региональной принадлежности: ПОДОБНА °о ксть стрѣ несъитаго сна [Тр: 22a₃₋₄]; ПОДОБНА БО КСТЬ СТРѣТЬ [А: 20r₃₀₋₃₁].

⁸ ЖНК — галицко-волинский источник.

БЛАГОДЕТЬ · ПРЪЗОРНЪМЪ ЖЕ ПРОТНВНТЬ СѦ [ПА: 175d]; МАЛА
 ѐ ВЪСѢ ЗЪЛОБА ПРОТНВЖЪ ЗЪЛОБѢ ЖЕНЬСТѢ [42c]; ТАКА ТН ѐ
 ВЕЩЬ ГРѢХОВНАА · РАДОУНТЬСѦ ВЪ МАЛѢ А СТРАЖДЕТЬ МНОГО ·
 КРАСИТЬСѦ МАЛО А МОУНТЬСѦ ВЪ ВѢКЪ [Т: 113г₄₋₇].⁹

В традиционной энклитической позиции в вопросительных пред-
 ложениях изредка наблюдается форма 3 л. мн. ч. (см. выше пример из
СинП). См. в волынском списке Паренесиса Ефрема Сирина: сѣ лн сѹ
 БОЛЕЗНИ [Л: 115б₁₃₋₁₄].¹⁰

Неэнклитическая словоформа *e* известна северо-восточным источни-
 кам. См. в полипредикативных цепях с презенсом гномического типа:

НЕ ОУБЕ КСТЬ КДННО ТЕРПЕНЬЕ. НО ВСАКОИ ДЪТЕЛН ѐСКОМО ѐ
 [А: 134а₂₉-134б₂]; СЪ БО ѐБЫУАНЪ ЗЛОБЕНЪИ СЛАБОСТИ ВЛЕУЕТЬ
 К СЕБѢ · МНѢ ПОВНИУЩОСА ѐМОУ · ЛЮТѢ ѐ СТРАНЕНЪИ
ѐБЫУАНЪ НЪ ЗЛОБЕНЪ · НАКО ЖЕЛЕЗНАМН ОУЗАМН ПОМЫСЛА ·
 ОУГОДНЫ ѐБРѢТАЮТ МН СѦ · ПРИСНО ОУЗЫ [Тр: 187а₁₂₋₂₁].¹¹

Повсеместное использование отрицательной нулевой формы **нѣ** vs.
нѣсть отражается в современном русском *нет* < **нѣ** тоу. См. ранние
 примеры в *СбТр* в полипредикативных высказываниях гномического
 характера с неактуальным настоящим:

АЖЕ КСТЬ ТАЖЕ ВСЕГО · НЖЕ НЩЕТЬ ЖИТНѦ СЕГО · А ДОБРА НА
 НЕМЪ нѣ ТОУ [18 об.]; ВРЕМА МАЛО КСТЬ · А СОУДЪ ДОЛГЪ Н БЕС
 КОНЬЦА · КОНЬУНА БАНЪ Н СТРАХЪ МНОГЪ · А НЗБАВЛЯЮЩА
 НИКОГОЖЕ нѣ ТОУ [21 об.].

Широкое распространение презенса с неактуальным значением **нѣ**
 косвенным образом свидетельствует о частотности словоформы **ѐ**. Ти-
 пичными для **нѣ**, как и для **ѐ**, являются вопросительные предложения
 со значением неактуального настоящего, хотя отрицательный глагол и
 не связан с энклитической позицией. (См.: нѣ лн сѣ **ѐ**ГОЖЕ **ѐ**СА [Тр:
 147в₁₀₋₁₁] и мн. др.).

⁹ Т — новгородский источник. Ср. в других источниках: ТАКО ТН ѐСТЬ ВЕЩЬ
 ГРѢХОВНАА · РАДОУНТЬСѦ ОУ МАЛѢ А СЪТРАЖЕТЬ МНОГО [Л: 238б₁₇₋₂₁];
 ТАКА ТН ѐСТЬ ВЕЩЬ ГРѢХОВНАА [Тр: 144в₂₂₋₂₄]; ТАКА ѐСТЬ ВЕЩЬ
 ГРѢХОВНАА [А: 156в₂₆₋₂₇].

¹⁰ Ср. в других списках: сѣ лн сѹТЬ БОЛЕЗНИ [Т: 31б₁₃₋₁₄]; сѣ лн сѹТЬ БОЛЕЗНИ
 [Тр: 72б₁₂]; сѣ лн сѹТЬ БОЛЕЗНИ [А: 79в₇₋₈].

¹¹ А. А. Турилов, сравнив почерки московского Сийского Евангелия и списка
 Тр, отмечает: “Почерком одного из писцов Сийского Евангелия написана
 значительная часть (л. 116–218 об., 230 об.–248 об., и, возможно, 1–4) Паренесиса
 Ефрема Сирина (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 7); большой близостью
 отличается и тератологическая орнаментика рукописей” [Турилов 2011: 33–34].

Таким образом, широкую распространенность энклитических словоформ *e* в древнеславянской письменности можно считать доказанной. Чаще всего они встречаются в вопросительных предложениях со значением нефактивного действия предположения. Приведенные данные проливают свет на характер аналогичных, но весьма редких форм в берестяной письменности. Предположительный характер заключения А. А. Зализняка по поводу их статуса может быть с уверенностью заменен на вполне утвердительный. Редкость энклитических словоформ *e* в берестяной письменности вряд ли стоит напрямую связывать с диалектной особенностью. Это может быть связано лишь с ограниченным числом дискурсивных текстуальных типов в грамотах на бересте. Все же обращает на себя внимание факт чрезвычайно высокой частотности как энклитических, так неэнклитических нулевых словоформ *e* в южнославянских и юго-западных древнерусских источниках. При повсеместном употреблении данных форм их высокую частотность в последних упомянутых источниках следует рассматривать как региональную черту. Помимо обозначения нефактивного действия предположения, употребления в придаточных предложениях и полипредикативных цепях, в целом словоформы *e* со значением неактуального настоящего часто встречаются в гномических типах дискурса, так что и сами глагольные формы функционируют как гномический презенс.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН	Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
BN	Biblioteka Narodowa (Warszawa)
NUK	Narodna in univerzitetna knjižnica (Ljubljana)

Библиография

Источники

А

БАН 31.7.2, Паренесис Ефрема Сирина, 1377 г., 258 л.

ГрБ

Древнерусские берестяные грамоты (электронный ресурс; режим доступа: <http://gramoty.ru/>; последнее обращение: 15.07.2016).

ЖНК

РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 1832, Сборник кон. XII в., “Житие Нифонта Константинопольского”, л. 1–33, по изд.: Дубровина В. Ф., Бахтурина Р. В., Голышенко В. С., изд., *Выголексинский сборник*, С. И. Котков, ред., Москва, 1977.

Изб 1073

ГИМ, Син. 1043, Изборник 1073 г., 266 л., по интернет-изданию: Кокорина Т. В., Соколова А. А., “Изборник 1073 г.”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Манускрипт 2004–2016

Портал “Манускрипт”, Лаборатория по автоматизации филологических работ УдГУ, Ижевск, 2004–2013; Кафедра лингвистики ИЖГТУ, Ижевск, 2005–2016 (электронный ресурс; режим доступа: <http://manuscripts.ru/>; последнее обращение: 15.07.2016).

П

РНБ, Собрание М. Н. Погодина, № 71а, 328 л., Паренесис Ефрема Сирина, 1269–1289 гг., по интернет-изданию: Жолобов О. Ф., Москалева Л. А., “Паренесис Ефрема Сирина, 1269–1289 гг., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

ПА

ГИМ, Воскр. 30, 309 л., Пандекты черноризца Антиоха, XI в., по интернет-изданию: Корнилова Д. С., Алленченкова А. С., Зуга О. В., Рябова Е. В., Ралева Ц., Головизнина О. В., Кокорина Т. В., Соколова А. А., “Пандекты черноризца Антиоха”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Сав

РГАДА, Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии (ф. 381, оп. 1), № 14, 166 л., Саввина книга, XI, XI–XII, XIII вв., по интернет-изданию: Мигонов А. Л., “Евангелие апракос краткий («Саввина книга»)”, в: [Манускрипт 2004–2016].

СбТр

РГБ, ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 12, 202 л., Сборник XII–XIII вв., изд.: ROPOVSKI J., THOMSON FR. J., VEDER W. R., *The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in Transcription* (= Polata knigopisnaja, 21–22), Leiden, 1988; цифровая фотокопия рукописи на сайте Троице-Сергиевой лавры (электронный ресурс; режим доступа: <http://old.stsl.ru/manuscripts/>; последнее обращение: 15.07.2016); интернет-издание: Жолобов О. Ф., Паймина О. С., “Троицкий сборник, XII–XIII вв., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

СинП

ГИМ, Син. 551, 184 л., по изд.: Голышенко В. С., Дубровина В. Ф., *Синайский патерик*, Москва, 1967, по интернет-изданию: Кокорина Т. В., Соколова А. А., Зуга О. В., “Синайский патерик”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Супр

ВН, ВОЗ (Собрание Замоиских), № 21, 151 л., NUK, Cod. Кор. 2, 118 л., РНБ, Q.п.72, 16 л., Супрасльская рукопись, XI в., 285 л., по интернет-изданию: Рябова-Чернова Е. В., “Миняя четья на март, сер. XI в., старослав.”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Т

РГАДА, Рукописный отдел библиотеки Московской Синодальной типографии (ф. 381, оп. 1), № 38, 143 л., Паренесис Ефрема Сирина, 1270–1280-е гг., по интернет-изданию: Жолобов О. Ф., “Паренесис Ефрема Сирина, 70–80-е гг. XIII в., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Тр

РГБ, ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 7, 245 л., Паренесис Ефрема Сирина, около сер. XIV в., по интернет-изданию: Жолобов О. Ф., “Паренесис Ефрема Сирина, около середины XIV в., древнерусского письма”, в: [Манускрипт 2004–2016].

Литература

ВАЙАН 1952

ВАЙАН А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва, 1952.

ВАН-ВЕЙК 1957

ВАН-ВЕЙК Н., *История старославянского языка*, Москва, 1957.

ЕЛИЗАРЕНКОВА 1982

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., *Грамматика ведийского языка*, Москва, 1982.

ЖОЛОВОВ 2012

ЖОЛОВОВ О. Ф., "О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках", *Русский язык в научном освещении*, 1 (23), 2012, 194–231.

—2013

ЖОЛОВОВ О. Ф., "Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр. 12)", *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 155/5, 2013, 30–39.

—2014

ЖОЛОВОВ О. Ф., "О рефлексах *ti-* и *t-* форм глаголов в древнерусском языке", *Russian Linguistics*, 38/1, 2014, 121–163.

ЗАЛИЗНЯК 2004

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.

—2008

ЗАЛИЗНЯК А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

ЛОМТЕВ 1954

ЛОМТЕВ П. Т., "[Рец. на:] П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд-во Моск. ун-та, 1953", *Вопросы языкознания*, 5, 1954, 137–144.

ТУРИЛОВ 2011

ТУРИЛОВ А. А., "Средневековье и Новое время", в: *Вторые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции*, Москва, 2011, 33–34.

ШАХМАТОВ 1903, 1–2

ШАХМАТОВ А. А., *Исследование о двинских грамотах XV в.*, 1–2, С.-Петербург, 1903.

ШЕВЕЛЁВА 2001

ШЕВЕЛЁВА М. Н., "Орфография сочетаний гласных с плавными в Синайском Патерике и проблема его диалектной локализации", в: М. Л. Ремнёва, ред., *Вопросы русского языкознания*, 9: *Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах*, Москва, 2001, 168–221.

BJØRNFLATEN 2003

BJØRNFLATEN J. I., "Bemerkungen zur Ausbreitung und Chronologie der Nullendung der 3. Pers. Präs. in den russischen Mundarten," in: S. KEMPGEN, U. SCHWEIER, T. BERGER, eds., *Rusistika. Slavistika. Linguistika. Festschrift für Werner Lehfeldt* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, 19), München, 2003, 48–56.

DIELS 1934

DIELS P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch* (= Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, 1: Grammatiken; 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg, 1934.

ERHART 1989

ERHART A., *Das indoeuropäische Verbalsystem* (= Opera universitatis purkynianae brunensis fakultas philosophica, 290), Brno, 1989.

LESKIEN 1955

LESKIEN A., *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar*, 7. verb. und mit neuem Literaturverzeichnis versehene Aufl., Heidelberg, 1955.

VONDRÁK 1912

VONDRÁK W., *Altkirchenslavische Grammatik*, Berlin, 1912.

References

- Björnflaten J. I., "Bemerkungen zur Ausbreitung und Chronologie der Nullendung der 3. Pers. Präs. in den russischen Mundarten," in: S. Kempgen, U. Schweizer, T. Berger, eds., *Rusistika. Slavistika. Linguistika. Festschrift für Werner Lehfeldt* (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, 19), München, 2003, 48–56.
- Diels P., *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch* (= Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, I: Grammatiken; 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg, 1934.
- Dubrovina V. F., Bakhturina R. V., Golyshenko V. S., Kotkov S. I., eds., *Vygoleksinskii sbornik*, Moscow, 1977.
- Elizarenkova T. Ya., *Grammatika vediiskogo iazyka*, Moscow, 1982.
- Erhart A., *Das indoeuropäische Verbalsystem* (= Opera universitatis purkynianae brunensis facultas philosophica, 290), Brno, 1989.
- Golyshenko V. S., Dubrovina V. F., eds., *Sinaiiskii paterik*, Moscow, 1967.
- Leskien A., *Handbuch der albulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik. Texte. Glossar*, 7. verb. und mit neuem Literaturverzeichnis versehene Aufl., Heidelberg, 1955.
- Lomtsev P. T., "[Rev.:] P. S. Kuznetsov. Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka. Morfologija. Izdvo Mosk. un-ta, 1953," *Voprosy jazykoznanija*, 5, 1954, 137–144.
- Popovski J., Thomson Fr. J., Veder W. R., *The Troickij sbornik (Cod. Moskva, GBL, F. 304 (Troice-Sergieva lavra) N 12): Text in Transcription* (= Polata knigopisnaja, 21–22), Leiden, 1988.
- Sheveleva M. N., "Orfografiia sochetanii glasnykh s plavnymi v Sinaiskom Paterike i problema ego dialektnoi lokalizatsii," in: V. L. Remnyova, ed., *Voprosy russkogo iazykoznanii*, 9: *Dialektnaia fonetika russkogo iazyka v diakhronnom i sinkhronnom aspektakh*, Moscow, 2001, 168–221.
- Turilov A. A., "Srednevekove i Novoe vremia," in: *Vtorye chteniia pamiati akademika RAN L. V. Milova*, Moscow, 2011, 33–34.
- Vaillant A., *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*, Moscow, 1952.
- Van Wijk N., *Istoriia staroslavianskogo iazyka*, Moscow, 1957.
- Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.
- Zaliznyak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.
- Zholobov O. F., "On Reflexes of the Injunctive in Old Russian Literary Sources," *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*, 1 (23), 2012, 194–231.
- Zholobov O. F., "The Present-Future Tense in the Trinity Miscellany (Russian State Library, Paper 12)," *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta (Proceedings of Kazan University)*, 155/5, 2013, 30–39.
- Zholobov O. F., "On Reflexes of *Ti*- and *T*-forms of Verbs in Ancient Russian," *Russian Linguistics*, 38/1, 2014, 121–163.

Acknowledgements

Russian Foundation for Humanities. Project No. 15-04-00283.

проф. Олег Феофанович Жолобов, д. филол. наук
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 Институт филологии и межкультурной коммуникации,
 профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики
 420008 Казань, ул. Кремлевская, д. 18
 Россия/Russia
 ozolobov@mail.ru

Received January 30, 2016